

Конституционное право

УДК 342.4

ББК: 67.400(2Рос)

JEL: K30

КОСТЫЛЕВА Елена Дмитриевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Новочеремушкинская ул., 69, Москва, 117418, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-2481-0887>

Костылева Елена Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник направления конституционно-правовых исследований Центра исследования проблем правосудия, Москва, Россия.

E-mail: helen161969@rambler.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ И ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ЗАЩИТЕ ЛИЧНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ

Аннотация

Предмет/тема. Предметом исследования являются нормативные правовые акты, судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека по защите личных и политических прав и свобод человека и гражданина.

Цели/задачи. Целью исследования является комплексный анализ позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, выявление разногласий в вопросах толкования норм, касающихся защиты личных и политических прав и свобод граждан России.

Методология. Методологическую основу исследования составляют: всеобщие методы познания; общенаучные методы, включающие в себя системный и логический метод, а также анализ, синтез и аналогию; частнонаучные методы, такие как метод сравнительного правоведения и формально-юридический метод.

Вывод. Исследование показало некоторые различия в объеме содержания личных и политических прав и свобод человека в анализируемых правовых позициях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, несмотря на то что в основе Конституции РФ и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод лежат общие базовые ценности. Формулирование правовых позиций Конституционного Суда РФ основано на выявлении правового смысла Конституции РФ, положения же международно-правовых норм используются в качестве подтверждения согласованности и соответствия норм национального права и собственных правовых позиций общепринятым международным нормам.

Ключевые слова: личные права, политические права, Конституционный Суд РФ, Европейский Суд по правам человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Constitutional law

Elena D. Kostyleva, Candidate of law, Associate Professor, Senior researcher of the Direction of constitutional and legal studies in the Research Center for the problems of justice, Russian State University of Justice, Moscow.
E-mail: helen161969@rambler.ru

CORRELATION OF POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS ON PROTECTION OF PERSONAL AND POLITICAL RIGHTS

Abstract

Subject/Topic Legal acts and judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of human rights for the protection of personal and political rights and freedoms of man and citizen.

Goals/Objectives The aim of the study is a comprehensive analysis of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of human rights, identifying differences in the interpretation of the norms relating to the protection of personal and political rights and freedoms of Russian citizens.

Methodology The methodological basis of the research consists of: General methods of cognition; General scientific methods, including the system and logical method, as well as analysis, synthesis and analogy; private scientific methods, such as the method of comparative law and formal legal method.

Conclusion and Relevance The study has shown some differences in the content of personal and political rights and freedoms in the analyzed legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of human rights, despite the fact that the Constitution of the Russian Federation and the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms are based on common basic values. The formulation of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation is based on the identification of the legal meaning of the Constitution, while the provisions of international legal norms are used as confirmation of the consistency and conformity of national law and private legal positions to accepted international norms.

Keywords: *personal rights, political rights, Constitutional Court of the Russian Federation, European Court of human rights, European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms.*

Защита прав и свобод человека в Российской Федерации носит двухмерный характер: на уровне национальных судов и на уровне Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ). В основном защита прав человека носит параллельный характер, и непосредственное соприкосновение судов наблюдается в спорных случаях, ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ не могут не взаимодействовать при отправлении правосудия, но и не соприкасаются при этом прямо.

В своей деятельности Конституционный Суд РФ использует различные международные правовые акты, решения международных судебных органов, в том числе используются решения ЕСПЧ. В России общепризнанно главенствует нормативно-правовой акт, естественно

доминирующий в рамках романо–германской правовой системы, тогда как ЕСПЧ руководствуется лишь одним документом – Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее Европейская Конвенция). Однако без анализа законодательства государств, выступающих стороной в деле, разобраться в полной мере в деле не представляется возможным. По этой причине Европейский Суд по правам человека обращается к внутреннему праву и к судебной практике государств, для более полного и всестороннего анализа и оценки обстоятельств рассматриваемого дела, к решениям высших судов в государстве (верховных или конституционных) изучая интерпретацию Европейской Конвенции национальными судами, в частности как она перекликается с толкованием, данным самим ЕСПЧ. Компетенция Европейского Суда, с учетом принципа субсидиарности, весьма ограничена по отношению к национальному законодательству, судебным системам и правопорядку государств–участников, его решения не носят обязательного характера.

Одной из форм участия Российской Федерации в деятельности международных судов является непосредственное признание юрисдикции международного суда в силу подписания международного договора о защите прав человека. Однако в российской правовой системе и правоприменительной практике до сих пор встречаются серьезные разногласия с некоторыми нормами Европейской Конвенции, а также ряда других документов Совета Европы. Основные нарушения, которые приходится рассматривать данному Суду в отношении Российской Федерации, в той или иной мере затрагивают личные и политические права, в основном они касаются нарушения статей 2, 3, 5, 8, 9, 10, 11 Европейской Конвенции.

Проведенное сравнение на предмет схожести и различий между правовыми позициями Конституционного Суда РФ и правовыми позициями Европейского Суда по правам человека по вопросам толкования норм, касающихся защиты личных и политических прав и свобод граждан России, позволило выявить определенные разногласия.

Основу правового статуса человека составляют личные права, к которым относятся право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну телефонных переговоров и другие права.

Основная часть решений Конституционного Суда РФ, связанных с обеспечением и защитой личных прав, посвящена непосредственному анализу конституционного содержания данных прав, а формулирование правовых позиций основано на выявлении правового смысла Конституции РФ, положения же международно–правовых норм используются в качестве подтверждения согласованности и соответствия норм национального права и собственных правовых позиций общепринятым международным нормам.

Одной из гарантий права на жизнь выступает неприменение смертной

казни. Этому вопросу было посвящено принятое Конституционным Судом Определение от 19 ноября 2009 года № 1344–О–Р. В данном решении Конституционный Суд по обращению Пленума Верховного Суда РФ раскрыл содержание сложившегося в России конституционно–правового режима обеспечения права на жизнь и разъяснил некоторые правовые позиции, выраженные Конституционным Судом в Постановлении от 2 февраля 1999 года № 3–П, относительно возможности применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания.

Вопрос о нарушении права на жизнь рассматривался ЕСПЧ в первых «чеченских» делах от 24 февраля 2005 г. дело «Исаева, Юсупова и Базаева против России», дело «Хашиев и Акаева против России» (жалобы №№ 57942/00 и 57945/00)¹, они касались проблемы неисполнения государством позитивного обязательства по проведению эффективного расследования фактов смерти, причинённой представителями власти. Европейский Суд постановил, что Российская Федерация нарушила обязательства, возложенные на нее Европейской Конвенцией, в отношении обязанности защищать жизнь заявителей и обеспечить проведение эффективного расследования. В обоих делах российское Правительство не потребовало передачи дел на рассмотрение в Большую Палату, вследствие чего решения вступили в силу 6 июля 2005 года [1].

В Постановлении от 6 июня 2013 года по делу «Сабанчиев и другие против Российской Федерации» (жалоба № 38450/05) ЕСПЧ подверг критике процедуру вынесения решения о невыдаче тел лиц, смерть которых наступила в результате пресечения террористической деятельности. В Постановлении № 8–П от 28 июня 2007 года Конституционный Суд РФ отметил, что «захоронение лица, принимавшего участие в террористическом акте, в непосредственной близости от могил жертв его действий, совершение обрядов захоронения и поминовения с отданием почестей как символу, к объекту поклонения, с одной стороны, служат пропаганде идей террора, а с другой – оскорбляют чувства родственников жертв этого акта и создают предпосылки нагнетания межнациональной и религиозной розни».

В Постановлении № 12–П от 19 апреля 2016 года² Конституционный Суд РФ впервые реализовал свое новое полномочие по оценке соответствия Конституции РФ решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и вынес решение по делу о возможности исполнения

¹ Официальный сайт Европейского Суда по правам человека <http://www.echr.coe.int>.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 25.04.2016. № 17. Ст. 2480.

Постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 года «Анчугов и Гладков против России», которое, несмотря на признание российским судом возможности реализации общих мер, позволяющих обеспечить справедливое, дифференцированное и соразмерное применение ограничения прав осужденных, по сути, стало делом о невозможности исполнения Постановления ЕСПЧ – первым подобным решением в конституционной практике после принятия Постановления от 14 июля 2015 г. № 21–П и внесения изменений в Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7–ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Решение ЕСПЧ было фактически не исполнено. Постановление № 12–П подтвердило, что позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда в отношении прав человека и гражданина могут иметь весьма существенные различия, несмотря на то что в основе Конституции РФ и Европейской Конвенции лежат общие базовые ценности.

В Постановлении ЕСПЧ от 30 июня 2015 г. «Хорошенко против России» (жалоба № 41418/04), где заявитель обжаловал ограничение российским законодательством семейных свиданий для осужденных к пожизненному лишению свободы, Европейский Суд констатировал нарушение Российской Федерацией ст. 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни). Был сделан вывод о том, что заключенные должны пользоваться всеми основными правами и свободами, закрепленными в Конвенции, за исключением права на свободу и личную неприкосновенность.

В Определении Конституционного Суда РФ от 24 мая 2005 г. № 257–О¹ отмечено: «Конституция РФ (ч. 3 ст. 55) допускает возможность ограничения федеральным законом прав человека и гражданина в качестве средства защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Такие ограничения могут быть связаны с применением к лицам, совершившим преступления, в качестве меры государственного принуждения уголовного наказания, особенность которого состоит в том, что при его исполнении на осужденного осуществляется специфическое воздействие, выражающееся в лишении или ограничении его определенных прав и свобод и возложении на него определенных обязанностей». Возможные ограничения федеральным законом этих прав и свобод должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, не иметь обратной силы и не затрагивать существо

¹Определение Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 № 257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».

данных конституционных прав. [2]

Расхождения в части объема и возможности ограничений политических прав неудивительны, и подходы могут различаться в зависимости от политического режима, действующего в стране, а также других характеристик формы государства, сложившихся правовых традиций.

Статья 31 Конституции РФ закрепляет право собираться и конкретизирует формы публичных мероприятий. В Федеральном законе РФ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54–ФЗ, в статье 2 указано, что: «публичное мероприятие – открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция. Целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики или информирование избирателей о своей деятельности при встрече депутата законодательного (представительного) органа государственной власти, депутата представительного органа муниципального образования с избирателями»¹.

Европейский Суд неоднократно отмечал, что свобода мирных собраний является естественным продолжением свободы выражения мнения, одним из ее главных средств. Право каждого человека на свободу мирных собраний провозглашено в статье 20 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., закреплено в статье 21 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Аналогичные нормы права содержатся в Европейской конвенции. Но данное право во многих странах, включая Россию, остается предметом серьезных ограничений. При разработке законов, регулирующих порядок проведения публичных мероприятий, власти государств часто устанавливают чрезмерные административные барьеры, фактически препятствующие реализации данного права. Нередко законодатели руководствуются при этом целями обеспечения общественной безопасности, которые действительно могут служить основанием для ограничения политических прав и свобод. [3] Согласно пункту 2 статьи 11 Европейской Конвенции, ограничение права на свободу собраний возможно только в «интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц»². Однако при введении любых ограничений необходимо соблюдать баланс между целями ограничений (обеспечение безопасности общества) и гарантированными правами.

¹ Федеральный закон РФ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. 1998. №20. Ст.2142.

Европейским Судом выработана достаточно обширная практика, раскрывающая содержание свободы собраний и определяющая реализацию данного права. В Постановлении по делу «Сергей Кузнецов против России» Европейский Суд указывает: «любые меры, связанные с вмешательством в свободу собраний и выражения, кроме случаев призыва к насилию или отвержения демократических принципов, – при этом, какими бы шокирующими и неприемлемыми ни казались властям отдельные взгляды или высказывания – наносят ущерб демократии и часто даже опасны для нее» («Сергей Кузнецов против России», жалоба № 10877/04, § 45, 23 октября 2008 г.)¹. В то же время право на контрдемонстрацию со стороны лиц, разделяющих противоположную точку зрения, также является реализацией свободы собраний, и такие формы выражения не должны подавляться.

Участники мирных собраний не должны опасаться преследований со стороны государства за свое участие в них. Этот принцип был сформулирован в деле «Эзелин против Франции» и получил развитие в Постановлении по делу «Алексеев против России». В деле «Бачковский и другие против Польши» Европейский Суд пришел к выводу, что даже сама угроза преследования за участие в несогласованном митинге представляет собой нарушение статьи 11 Конвенции.

Одним из элементов гарантии реализации свободы собраний является обеспечение безопасности ее участников и организаторов. Ограничения должны быть пропорциональны возможной опасности. Важно различать общественную безопасность и некоторые неудобства для других граждан, которые неизбежны при осуществлении права на мирные собрания (например, перекрытие движения по части улиц города из-за проведения демонстрации) и которые не могут служить поводом для ограничения права.

Международные стандарты устанавливают исчерпывающий перечень оснований для ограничения, поэтому если государство вводит дополнительные ограничения, оно тем самым может нарушить свои международные обязательства. Минимальные стандарты свободы собраний, соблюдение которых необходимо в любом демократическом государстве, были выработаны, в частности, в практике Европейского Суда по правам человека по статье 11 Конвенции, а также обобщены в Руководящих принципах по свободе мирных собраний, принятых Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ) в 2007 году.

Документы ОБСЕ представляют собой развернутые рекомендации государствам по обеспечению свободы собраний, постановления

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Сергей Кузнецов против России», (жалоба № 10877/04, § 45, 23 октября 2008 г.) URL: <http://www.echr.coe.int>.

Европейского Суда имеют обязательный характер, и несоблюдение установленных в них минимальных требований может повлечь признание нарушения права со стороны государства.

При этом необходимо обеспечение баланса между правом, закрепленным Европейской конвенцией, и интересами других граждан, т.е. в случае возможного ограничения свободы собраний власти обязаны обосновать общественную необходимость такого ограничения («Махмудов против России»).

Любые ограничения свободы собраний должны быть соразмерны целям, ради которых они применяются. Например, если существует риск возникновения массовых беспорядков в результате демонстрации, один только факт наличия риска не может служить достаточным основанием для запрета публичного мероприятия («Баранкевич против России»), равно как угрозы со стороны противников публичного мероприятия не должны вести к его запрету, а государство должно предпринять все усилия, чтобы обеспечить надлежащую защиту его участникам («Алексеев против России»). У каждого государства имеется позитивное обязательство обеспечить все условия для осуществления свободы мирных собраний.

Еще одним стандартом свободы собраний является так называемая доктрина немедленной реакции – право на проведение спонтанной демонстрации или другого публичного мероприятия, когда уведомление властей в установленные законом сроки лишило бы это мероприятие смысла. В то же время Европейский Суд подчеркивает, что в подобных случаях необходимость спонтанной реакции должна быть обоснована.

Европейский Суд неоднократно обращался к вопросу о регулировании свободы собраний в национальном законодательстве государств — участников Конвенции, выработав конкретные требования к ограничительным нормам. Так, любые ограничения собраний должны быть пропорциональны целям, ради которых они накладываются. Это подразумевает, что будут использованы наименьшие средства вмешательства, включая наказания, которые могут быть применены за нарушение положений о свободе собраний. Европейский Суд допускает наличие процедуры уведомления о предстоящем мероприятии и даже установление требования о получении разрешения на его проведение, однако форма и содержание таких процедур не должны приводить к необоснованному срыву мероприятия.

Принятие властями решений о согласовании мероприятия должно основываться на конкретных обстоятельствах дела, а общее применение правил и использование лишь предположений о возможных негативных последствиях мероприятия ведет к необоснованному ограничению свободы собраний и, соответственно, к нарушению статьи 11 Конвенции («Махмудов против России»).

С другой стороны, нарушением будет признаваться и факт использования различных правил в отношении идентичных ситуаций (при

отсутствии разумного и объективного обоснования).

Европейская Конвенция содержит требования о том, чтобы любые ограничения прав не только преследовали правомерную цель, но и были основаны на законе, т.е. формально закреплены и четко описывали условия ограничения для того, чтобы каждый мог предвидеть, в каких именно ситуациях его поведение будет нарушать действующие нормы.

В Постановлении ЕСПЧ по делу «Лашманкин и другие против России», в связи с жалобами 23 россиян, которым российские власти не дали согласование на проведение публичных мероприятий, суд счел, что были нарушены права на свободу собраний и справедливое судебное разбирательство. Глава движения «За права человека» Лев Пономарев и оппозиционер Сергей Удальцов жаловались с 2009 по 2013 год, что «местные власти наложили неоправданные ограничения на проведение запланированных ими мирных публичных мероприятий». Среди них — шествие в годовщину убийства Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой, пикет перед зданием Госдумы против закона о запрете на усыновление российских сирот гражданами США, гей-парады и мероприятие против «оборотней в погонах». В большинстве случаев власти отказывали «в согласовании места, времени или формы проведения мероприятия», а альтернативные варианты «делали невозможным достижение целей» акции, говорится в постановлении ЕСПЧ. Некоторые «заявители вынуждены были отказаться от проведения мероприятия», другие «провели запланированное мероприятие, что привело к их разгону полицией, арестам участников и административным наказаниям». В ЕСПЧ жаловались, что иногда невозможно соблюсти сроки подачи уведомления о проведении митинга «из-за праздников или из-за того что публичное мероприятие было спонтанной реакцией на важное политическое событие». В российских судах заявители правоту доказать не могли.

ЕСПЧ пришел к выводу, что были нарушены ст. 11 (свобода собраний), ст. 13 (право на эффективное средство правовой защиты), ст. 5 (право на свободу) и ст. 6 (право на справедливое судебное разбирательство) Европейской конвенции. В частности, власти «не привели достаточных причин в обоснование отказов», «не проявили должной терпимости» в отношении мирных, но несогласованных собраний и «негибко применяют установленные законом сроки подачи уведомления о проведении публичного мероприятия»¹.

По делу «Алексеев против России», по жалобам (№№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09), Европейский Суд отмечает, что власти г. Москвы ввели запрет на Шествие Прайда и пикетирование в 2006–2008 гг. и осуществили запрет, разгоняя мероприятия, проведенные без разрешения, признав заявителя и других участников, нарушивших запрет, виновными в административном

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Лашманкин и другие против России» URL: <http://www.echr.coe.int>.

правонарушении. Соответственно, имело место вмешательство в реализацию заявителем его свободы мирного собрания, гарантированной пунктом 1 статьи 11 Европейской Конвенции. Суд не согласился с аргументами, приведёнными Правительством РФ, связанными с обеспечением безопасности участников и предотвращением беспорядков, так как такое мероприятие спровоцирует большой конфликт с различными группами, которые выступают против любых демонстраций, распространяющих интересы лесбиянок, геев или других сексуальных меньшинств, считая, что их можно было принять во внимание только с целью наложения ограничений, необходимых для защиты нравственности¹.

Европейский Суд в Постановлении по делу «Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии», жалобы №№ 29221/95 и 29225/95 отметил, что «свобода собраний, предусмотренная статьей 11 Конвенции, защищает демонстрацию, которая может раздражать или оскорблять лиц, выступающих против идей или целей, которые она пытается продвигать, а также участники должны иметь возможность проводить демонстрацию без страха, что они будут подвергнуты физическому насилию со стороны своих оппонентов». Следовательно, государства, подписавшие Европейскую конвенцию, обязаны принимать соответствующие меры для того, чтобы законные демонстрации проходили мирно.

По делу «Алексеев против России», Европейский Суд обращает внимание на то, что «властями не было проведено никакой предварительной оценки рисков, вызванных контрдемонстрациями». Было около сотни контрпротестующих, это значительное число, но никак не чрезмерное для такого города, как Москва. Правительство не представило никаких сведений относительно того, собирался ли кто-либо из авторов петиций уведомить о своих контрдемонстрациях. В связи с этим Европейский Суд заключил, что: «Правительство не дало адекватной оценки риска для обеспечения безопасности участников мероприятий и общественного порядка и если бы любая возможность напряжения и излишней эмоциональности при обмене мнениями между противостоящими группами во время демонстрации была бы причиной для ее запрета, то общество лишилось бы возможности выслушивать различающиеся точки зрения по любому вопросу, который оскорбляет чувствительность мнения большинства».

Однако Европейский Суд отметил, что «эти причины не относятся к основаниям для запрета или иного ограничения публичного мероприятия в силу национального законодательства». Суд пришёл к выводу, что решения властей о запрете рассматриваемых мероприятий не были

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Алексеев против России» (жалобы №№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09) URL: <http://www.echr.coe.in>

основаны на приемлемой оценке всех имеющих значение фактов, не соответствовали насущной социальной потребности и, следовательно, не были необходимыми в демократическом обществе, соответственно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

В Постановлении по делу «Сергей Кузнецов против России», (жалоба № 10877/04) Европейский Суд сделал вывод, что российские власти не представили «убедительных и достаточных» причин, чтобы оправдать вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнений и собраний и постановил, что имело место нарушение статьи 11 в совокупности со статьей 10 Конвенции». Кузнецов и еще несколько человек провели пикет у Свердловского областного суда, чтобы привлечь внимание общественности к нарушениям права на доступ к правосудию. Заявитель уведомил о пикете власти за восемь дней, в связи с этим органам правопорядка было дано распоряжение о поддержании общественного порядка и безопасности дорожного движения во время мероприятия. Кузнецов утверждал, что они были привлечены к административной ответственности (штрафу) за нарушение срока подачи уведомления о пикете, препятствование проходу в здание суда и распространение листовок, в которых утверждалось о коррупции в областном суде и содержался призыв к отставке председателя суда. В Решении Европейский Суд отметил, что заявитель представил уведомление о пикете за восемь вместо десяти дней, как это предусмотрено законодательством. Однако Европейский Суд считает, что простое формальное нарушение срока не является существенным, тем более что это не помешало властям сделать необходимые приготовления к проведению пикета. Никаких жалоб не было получено от посетителей, судей и работников аппарата суда о якобы препятствовании проходу в суд, и заявитель сотрудничал с властями: когда пикетирующих попросили отойти подальше от здания суда, они отошли. Листовки, распространяемые заявителем во время пикета, и призыв к отставке председателя суда не являются оскорблениями, а также не содержат клеветнических заявлений, призывов к насилию или отказы от демократических принципов.

В Постановлении по делу «Президентская партия Мордовии против России» (жалоба № 65659/01)¹ Европейский суд признал нарушение статьи 11 Конвенции, отметив, что «отказ в регистрации объединения может представлять собой вмешательство в осуществление права на свободу объединений».

В деле «Сайентологическая церковь Москвы против России» (жалоба № 18147/02, Решение от 5 апреля 2007 года) Заявитель жаловался на отказ национальных властей в удовлетворении его заявления на перерегистрацию в качестве юридического лица. В своём Постановлении по этому делу

¹«Президентская партия Мордовии против России» (жалоба № 65659/01); URL: <http://www.echr.coe.int>.

Европейский Суд отметил, что: «заявитель не сумел получить перерегистрацию, предусмотренную Законом о религии, и вследствие этого подлежал ликвидации¹. Суд установил, что подобная ситуация свидетельствует о вмешательстве в право религиозной организации на свободу объединения, а также в его право на свободу религии, поскольку Закон о религии ограничивает возможности религиозной организации без статуса юридического лица осуществлять все виды религиозной деятельности.

В Решении по делу «Баранкевич против России» (жалоба № 10519/03; решение от 20 октября 2005 года)² Европейский Суд отметил, что «запрет религиозного собрания, которое планировалось заявителем, не был «необходим в демократическом обществе». Публичные богослужения, религиозные обряды и церемонии не совпадают с публичными мероприятиями по содержанию и целям проведения, однако порядок их подготовки и проведения формализован Федеральным законом № 54–ФЗ. Следовательно, необходимо конкретизировать процедуры проведения этих мероприятий с учётом взаимосвязей права на проведение публичных мероприятий и свободы совести и вероисповедания.

В деле «Навальный против России», (жалобы №. 29580/12, 36847/12, 11252/13, 12317/13, 43746/14) Постановление от 2 февраля 2017 года) заявитель жаловался, что его задержание в семи случаях в отношении его предполагаемого участия в несогласованных публичных собраниях, его арест и осуждение по административным правонарушениям нарушили его право на свободу мирных собраний, гарантированное статьей 11 Конвенции.

Правительство считает, что вмешательство в свободу мирных собраний соответствовало национальному праву и было необходимо для предотвращения беспорядков и преступлений. Они утверждали, что во всех семи случаях заявитель принял участие в неразрешенных публичных собраниях, которые полиция законно пресекла, и что компетентные суды оправданно признали его виновным в административных правонарушениях. Власти не считают, что в любом из этих случаев были особые обстоятельства, освобождающие протестующих от соблюдения требований о предварительном уведомлении о их собраниях. Они оспорили утверждения заявителя, что эти собрания не создавали шум или неудобства, как маловероятные, принимая во внимание размер групп, о которых идет речь, и присутствие СМИ. Наконец, они считали, что меры, принятые против заявителя, в частности административные наказания, были пропорциональны, принимая во внимание упорство и умышленный характер правонарушений. Они привели примеры других законных

¹ «Сайентологическая церковь Москвы против России» (жалоба № 18147/02, Решение от 5 апреля 2007 года); URL: <http://www.echr.coe.int>.

² «Баранкевич против России» (жалоба № 10519/03; решение от 20 октября 2005 года); URL: <http://www.echr.coe.int>.

публичных собраний, в которых заявитель участвовал без вмешательства.

Европейский Суд считает, что «было вмешательство по каждому из семи эпизодов, безотносительно, принимает ли Европейский суд версию событий заявителя или Правительства. В частности, 5 марта 2012 года заявитель был задержан сразу после политического митинга, когда участники отказались покинуть территорию; дважды 8 мая и 9 мая 2012 года он был задержан во время «прогулки», собрания, проводимого в качестве протеста против инаугурации президента; и 24 февраля 2014 года вечером он был задержан на протестном митинге, проводимом в ответ на приговор по «Болотному» делу.¹ В этих случаях разгон собраний и задержание заявителя составляют вмешательство в его право на мирные собрания».

Учитывая события около здания суда 24 февраля 2014 года в полдень, Европейский Суд отмечает, что заявитель и другие члены общества пришли к Замоскворецкому районному суду, намереваясь присутствовать при оглашении приговора по уголовному делу, которое они считали политическим. Присутствуя на слушаниях, они намеревались демонстрировать включенность в гражданское общество и свою солидарность с активистами, которых они считали политическими заключенными. Общая причина, которая привела этих людей к дому правосудия – выразить личную причастность к важному общественному делу – отличает этот непреднамеренный сбор от случайного скопления людей, где каждый имеет и свою собственную цель, такую как встать в очередь, чтобы войти в общественное здание. Это также отличается от ситуаций, где прохожие случайно смешиваются с демонстрацией и могут быть ошибочно приняты за тех, кто принимает участие в ней. Европейский Суд отметил, что статья 11 Конвенции охватывает личные встречи и встречи в публичных местах, и что защита личных мнений является одной из целей свободы на мирные собрания, что закреплено в статье 11 Конвенции. Европейский суд поэтому в этом эпизоде находит, что было вмешательство в право заявителя на свободу собраний.

Аналогичные причины применяются к эпизоду от 27 октября 2012 года, когда заявитель возвращался с места проведения пикета. В определенных ситуациях, в частности там, где одиночные пикеты, Европейский Суд находит это более подходящим рассмотреть вмешательство по статье 10 Конвенции, толкуя в свете статьи 11 Конвенции. Однако, проводя пикет, заявитель не преследовал цель только выразить свое мнение напротив Следственного Комитета, но делая это вместе с другими демонстрантами, даже если они не делали это одновременно. Власти не признали связь между пикетом и задержанием заявителя и обвинили его в проведении несогласованного марша. Европейский Суд поэтому считает, что любая

¹ «Навальный против России», (жалобы №. 29580/12, 36847/12, 11252/13, 12317/13, 43746/14) Постановление от 2 февраля 2017 года); URL: <http://www.echr.coe.int>.

интерпретация этого эпизода означает, что было вмешательство в право заявителя на свободу собраний.

Европейский Суд отмечает, что меры, принятые против заявителя, были основаны в каждом случае на том, что он проводил несогласованные собрания и не выполнял распоряжения полиции о их прекращении. Это применяется независимо от того, были ли обвинения впоследствии на основании статьи 20.2 или статьи 19.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Фактически эти два положения применялись взаимозаменяемо к идентичным ситуациям, и он не усматривает каких-либо существенных оснований для выбора правовых норм для каждого эпизода.

Европейский Суд считает, что незаконная ситуация, такая как проведение демонстрации без предварительного разрешения, не обязательно оправдывает вмешательство в право на свободу собраний. В частности, где несогласованные демонстрации не включают акты насилия, Европейский Суд требует, чтобы публичные власти показывали определенную степень толерантности по отношению к мирным собраниям таким образом, чтобы свобода собраний, гарантируемая статьей 11 Конвенции, не лишалась своей сущности. Является ли демонстрация нежелательной и какие меры нужны со стороны полиции, должны, главным образом, зависеть от серьезности неудобств, которые такая демонстрация причиняет.

Рассматриваемое дело Европейский Суд счёл идентичным многим другим российским делам, где судом было установлено нарушение статьи 11 Европейской Конвенции, потому что полиция вмешалась и задержала протестующих по одной причине, что демонстрация не была разрешена, формальная незаконность собрания была главным оправданием для административных обвинений. Во всех случаях собрания были неоспоримо мирными, как и поведение заявителя. Однако они были разогнаны, а заявитель был задержан и обвинен в административных правонарушениях без какой бы то ни было оценки последствий, которые собрания повлекли, только потому что они не имели разрешения и упорствовали несмотря на приказы полиции разойтись.

При анализе практики Европейского Суда становится очевидно, что свобода собраний часто пересекается со свободой выражения мнения и свободой убеждений, и нередко нарушение одной из свобод автоматически влечет за собой ограничения в отношении другой.

На основании анализа порядка приостановления и прекращения различных публичных мероприятий можно отметить недостатки действующей законодательной базы о праве граждан. Законодательство Российской Федерации, закрепляя общий запрет на проведение мероприятий, уведомления о которых не были поданы или в отношении которых не было согласовано изменение места и время их проведения, в то же время не предусматривает особого порядка их прекращения.

Взаимодействие судов, национальных и международных, означает взаимообогащение правовых систем, использующих в поисках наиболее полного и эффективного регулирования правовые позиции судебных решений. Судьи в поисках аргументов и новых смыслов рассматриваемых норм, особенно в стремлении найти ответы на вызовы времени, не ограничиваются национальными источниками права, обращаются к решениям других органов международной юрисдикции, а также судов других государств. Таким образом, достигается эволюция в толковании норм, стимулирующих позитивные процессы и прогресс в демократическом развитии.

В рассматриваемых решениях Европейский Суд сформулировал выводы, которые имеют важное значение для официальных властей России. Он указал на то, что потенциально могут иметь место разнообразные формы вмешательства государства в гарантированную ст. 11 Европейской Конвенции свободу мирных собраний, начиная от ограничений места и времени, а также вплоть до прямых запретов публичных мероприятий. Однако любое возможное вмешательство государства должно быть основано на соответствующем законе, пропорциональном и необходимом в демократическом обществе.

По мнению Европейского Суда, современное российское законодательство о свободе мирных собраний не отвечает критериям, которые закрепляет Европейская Конвенция, оставляя пробелы для выборочного применения закона и произвола со стороны официальных властей, которые допускаются в ходе подготовки, согласования и проведения публичных мероприятий. Также отмечено отсутствие принципа соразмерности ограничений в том случае, когда официальные власти не считали нужным обосновать свое решение и привести заслуживающие внимания причины для отказа при согласовании выбранных организаторами места, времени и формы мероприятий. Как правило, данные решения о фактическом отказе в согласовании не содержали в себе понятных и убедительных причин. Европейским Судом отмечено, что в России в сфере публичных собраний все еще отсутствует надлежащее эффективное средство правовой защиты, реальная возможность оспорить в суде отказ властей в согласовании места, времени и формы мероприятия. Главная проблема заключается в том, что судебные процедуры не гарантируют возможность получения окончательного судебного решения до даты, на которую запланировано мероприятие.

Рассмотренные правовые позиции судов свидетельствуют о важности более внимательного отношения судей к нарушениям личных и политических прав человека в России, более объективного рассмотрения с учетом интересов личности и общества на национальном и международном уровне.

Список литературы:

1. Конюхова, Костылева (2009) – *Конюхова И.А. Костылева Е.Д.* Правовые формы участия Российской Федерации в деятельности международных судов: современное состояние и перспективы расширения // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 37– 48.

2. Костылева (2019) – *Костылева Е.Д.* Право на свободу собраний и объединений в решениях Европейского Суда по правам человека // В сборнике: Конституция Российской Федерации: актуальные проблемы реализации и судебного применения. К 25– летию Конституции РФ. Москва. 2019. С. 372– 388.

3. Костылева (2016) – *Костылева Е.Д.* Проблемы судебной защиты прав человека, обеспечивающих нравственно–духовную ценность личности, в Российской Федерации //Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2016. № 1. С.93– 98.

References:

Konyukhova , Kostyleva (2009) – *Konyukhova I.A., Kostyleva E. D. Legal forms of participation of the Russian Federation in the activities of international courts: current state and prospects of expansion .* [Pravovye formy uchastiya Rossijskoj Federacii v deyatel'nosti mezhdunarodnyh sudov: sovremennoe sostoyanie i perspektivy rasshireniya] Journal of constitutional justice [ZHurnal konstitucionnogo pravosudiya 2009. № 6. Pp. 37– 48.

Kostyleva (2019) – *Kostyleva E. D. The right to freedom of assembly and association in the decisions of the European Court of human rights* [Pravo na svobodu sobranij i ob"edinenij v resheniyah Evropejskogo Suda po pravam cheloveka] In the collection: the Constitution of the Russian Federation: actual problems of implementation and judicial application. To the 25th anniversary of the Constitution [V sbornike: Konstituciya Rossijskoj Federacii: aktual'nye problemy realizacii i sudebnogo primeneniya. K 25– letiyu Konstitucii RF]. Moscow. 2019. Pp. 372– 388.

Kostyleva (2016) – *Kostyleva E. D. Problems of judicial protection of human rights, providing moral and spiritual value of the individual, in the Russian Federation* [Problemy sudebnoj zashchity prav cheloveka, obespechivayushchih нравственно– duhovnuyu cennost' lichnosti, v Rossijskoj Federacii] Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy [Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki] 2016. №. 1. Pp. 93– 98.